

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ В 1812 ГОДУ*

В конце XX — начале XXI в. среди российских историков неожиданно резко возрос интерес к изучению проблем наполеоновской Европы и, особенно, наполеоновской армии в преломлении к событиям 1812 г. Одна за другой начали выходить блестящие работы Д.М.Туган-Барановского, В.Г.Сироткина, А.А.Васильева, А.И.Попова, В.Н.Шиканова и др. авторов¹. Достойным завершением этого ряда может считаться книга О.В.Соколова², не имеющая аналогов и в зарубежной историографии. Причина столь пристального интереса современных отечественных исследователей к Франции наполеоновской эпохи и событиям Русской кампании 1812 г., на наш взгляд, достаточно очевидна: в сознании россиян идет активный процесс национальной самоидентификации. Пытаясь понять смысл собственной исторической судьбы, мыслящая часть российского общества обращается к ключевому событию национальной истории — к 1812 году, когда Россия, столкнувшись с общеевропейским вторжением и, одержав победу, впервые по-настоящему ощутила масштабы своей силы и органичность своих связей с европейскими и мировыми процессами. Но осознание того, что же произошло с русскими тогда, в 1812 году, не может не происходить без понимания того, что же стало тогда с *другими* народами.

Война 1812 года постепенно все более начинает рассматриваться как факт столкновения разных культур, разных базовых ценностей, и даже разных цивилизаций. Однако мы еще очень мало знаем о том, что же происходило в 1812 г. с европейским человеком, попавшим в Россию. Мало знаем о его изначальных представлениях о России и русских, о трансформации этих представлений в ходе самой войны и о воздействии «памяти» о Русском походе на последующее развитие западноевропейской цивилизации. В этой статье, основанной на французских материалах личного происхождения (письмах, дневниках и воспоминаниях участников Русского похода), мы попытаемся только обозначить ключевые моменты этой необъятной проблемы.

Характер представлений европейцев (так мы условно будем называть представителей тех западноевропейских, южноевропейских и центральноевропейских народов, которые оказались в составе Великой армии Наполеона) о России к началу кампании 1812 г. обозначить не просто. Обычно принято говорить, что эти представления были самыми поверхностными. Но это не совсем точно. Во-первых, в Европе, в том числе во Франции, о России знали уже немало: в XVIII и начале XIX в. выходила, хотя и немногочисленная, литература о России — от воспоминаний бывшего французского посла в Петербурге Л.-Ф.Сегюра (его племянник Филипп-Поль Сегюр станет известным мемуаристом Рус-

ского похода) до этнографических (в 1810 г. Демам-Дематрэ опубликовал «Полное собрание разных типов повозок, которыми пользовались русские») и исторических (примером может служить хотя бы книга Вольтера о Петре Великом) сочинений. Общие сведения о России и русской истории давала знаменитая энциклопедия Дидро и д'Аламбера³. Во-вторых, немало французских участников похода ранее бывало в России: Ф.-П.Сегюр, бригадный генерал и главный квартирмейстер Главной квартиры императора, и Раймон де Монтестье барон Фезенсак, шеф эскадрона и адъютант начальника Генерального штаба, были в русском плену, полковник Понтон, состоявший в военном кабинете Наполеона, находился при русской армии после Тильзита, Л.-Ф.-Э.Лелорнь д'Идевилль, секретарь-переводчик императора, и знаменитый Ж.Б.Б.Лессепс, поверенный в делах Франции в Петербурге в 1802—1812 гг., жили в России, в том числе в Москве. Наконец, А.-О.-Л.Коленкур, главный шталмейстер и ближайший советник Наполеона, также жил в России и великолепно ее знал. В-третьих, накануне похода была проделана большая работа по сбору всевозможных сведений о России (в Российском государственном архиве древних актов и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится обширная документация о России, аккумулированная Наполеоном — от маршрутов до статистических сведений и исторических справок⁴). Да и сам Наполеон усиленно занимался «самообразованием» — в сборнике его «Корреспонденции» помещено письмо библиотекарю Барбье от 19 декабря 1811 г., в котором император требовал из библиотеки все, касавшееся кампании Карла XII в Польше и России⁵; а затем, в Дрездене, он «позаимствовал» всю литературу о России и Польше из библиотеки саксонского короля. В-четвертых, французские солдаты до 1812 г. уже не раз сталкивались с русскими, в том числе на поле боя. Это способствовало формированию и укреплению целого комплекса представлений и стереотипов, которые, надо сказать, не были лишены доли справедливости. Это касалось, прежде всего, представлений о стойкости русского солдата, которая была, по мнению французов, связана с более низким, чем у европейцев, культурным — духовным и социальным — развитием. Вот мнение одного французского капрала, участника прежних кампаний: «Русский таков, что дышит выделениями на 10 шагов: этот пар есть его собственный и представляет собой смесь запахов животного сала, табака и водки; пар таков, как будто в нем сидит зверь»⁶. Второй стойкий стереотип, имевшийся в представлениях европейских солдат, и тоже не лишенный оснований, касался представлений о русском климате. Когда одного гусара перед войной 1812 г. спросили в Германии, что значат четыре буквы «N» на его ташке, он ответил: «Nur Nicht Nach Norden» («Только не на Север»)⁷. Европейцы не питали иллюзий в отношении русского климата, запасаясь перед походом теплыми вещами. Третье представление-стереотип, усиленно подогреваемое официальной пропагандой, было связано с низким уровнем общественного сознания в России и с религиозностью, которая была для французского солдата сродни религиозному фанатизму в Италии, Египте и Испании. Многие европейцы авто-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ (грант ГОО-1.2.2-42)

матически переносили на Россию тот опыт, который был ими уже накоплен ранее — будь то социальный вакуум, в котором оказались французы в Египте, религиозную войну в Испании или снег и холод во время кампаний на Пиренеях и в Пруссии.

Вполне естественно, что многие вещи, с которыми французам предстояло столкнуться в России, далеко не всегда укладывались в прежний набор понятий. Так, во французском языке не было точных эквивалентов для обозначения таких явлений, как «изба», «усадьба» (французы употребляли слово «шато», нередко добавляя «русское шато», подчеркивая тем самым разницу⁸), «помещик», «крепостной», «мужик» и т.д.

Вполне естественно, что наполеоновская пропаганда активно эксплуатировала и развивала уже сложившиеся стереотипы. В брошюрах Лезюра и графа Монгайяра, выпущенных специально перед Русской кампанией, предстоящая война изображалась войной с варварством, варварством агрессивным, угрожающим основам европейской цивилизации⁹. Представляется, что этот тезис достаточно глубоко вошел в сознание наполеоновского солдата. Ж.-Р.-М. Барье, начальник батальона 17-го линейного полка, напишет из Москвы на родину о дне Бородина: солдаты, офицеры, генералы, — все соперничали в отваге и храбрости; это выглядело так, словно вся Европа обрушилась в тот день своей колоссальной мощью на Россию, «которая примерно 12 или 15 лет угрожала вторжением в наши провинции»¹⁰.

В целом, наполеон конструировал «образ врага» довольно традиционно: противник агрессивен, опасен, он — варвар, упорен, но это упорство низкое, связанное с его дикостью, забитостью, воздействием религиозной пропаганды или пьяного угара. «Образ врага» формировался безликим, в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам. Нетрудно заметить, что такой образ России и русских должен был работать на сплочение наполеоновской Европы, общеевропейской (точнее — западноевропейской) идентификации. В таком же ключе наполеоновская пропаганда действовала и далее, уже при открытии военных действий. 18 июля 1812 г. Наполеону была представлена русская прокламация, на которую император решил сам написать так называемый «ответ французского гренадера», и распространить его среди своих солдат. В своем «ответе» Наполеон несколько раз подчеркнул, что солдат Франции — «свободный» и что «он повинуется только чести и закону». Этому противостоит «крепостничество и рабство» России, «скотское существование» русских солдат, основой дисциплины которых является «страх», «но не честь». Призвание солдат Великой армии заключается в том, чтобы уничтожить «рабство в русской империи», «восстановить права ее подданных, когда каждый крестьянин станет субъектом и гражданином государства, станет господином своего труда и своего времени, и он не будет больше собственностью своего господина, подобно быку или лошади»¹¹.

Нетрудно заметить явное противоречие между пропагандистскими заявлениями, предназначенными для своих солдат, и теми реальными шагами самого Наполеона, которые могли из этого следовать. Уверенность Наполеона в низкой ступени общественной жизни и сознания

русских прямо накладывалась на египетский и испанский опыт императора. И это заставляло его изначально полностью (или почти полностью) исключить социальный аспект из Русской кампании. Если Наполеон в 1812 г. и обращался под давлением обстоятельств к мыслям о возможности каких-либо радикальных мер в отношении крепостничества, то здесь же от них отказывался¹².

Какой увидели Россию европейские солдаты в 1812 г., и как эволюционировали во время кампании их «русские» установки? Эти установки в своей основе подтверждались. Угрюмое однообразие дорог, непривычные, «чужие» пространства, меланхолические березы и мрачные ели, быстрое уменьшение светового дня — все это окунуло европейцев в атмосферу чужого и враждебного. Население покидало города и деревни. Начиная с русских губерний, картина несколько изменилась: местность стала более приветливой, но население, в сущности, исчезло совсем. «Края в России, — писал Ж. Фишнер, музыкант 35-го линейного полка, — которые мы прошли, очень хорошие и пригодные, но люди при нашем приближении убегают — мы их принимаем за суших дикарей»¹³. А вот дневник Э.-В.-Е.-Б. Кастелана, капитана, ординарца Главного штаба: в Вязме — «невозможно найти ни одного нищего»; в Гжатске — «был найден единственный человек, раб»; чуть позже — «русские крестьяне говорят на варварском языке». Всюду Кастелана ужасают убогие избы и обилие и величина клопов. «Деревянные дома, — записал он, — способствуют их размножению. Я не представляю, как русские могут спать в такой компании»¹⁴.

Экстремальные условия борьбы в России мало-помалу начали деформировать сознание чинов Великой армии. Внешне это проявилось в эпидемии суицида, в падении морального состояния армии, когда рушилась прежняя шкала ценностей наполеоновского солдата, в глубоких переменах в одежде и быте чинов, от Главной квартиры до обозных батальонов, и т.д.¹⁵ Серьезной деформации были подвергнуты представления западноевропейцев о грани, проходившей между варварством и цивилизацией, когда, с одной стороны, они увидели примеры мужества, самопожертвования и человечности со стороны русских «варваров», а с другой, — сами были вынуждены прибегать к бесчеловечным мерам в отношении неприятельских раненых и отставших. Вот, к примеру, впечатления Л.-Ф. Фантена дез Одара, капитана 2-го полка гвардейских пехотных гренадеров, записанные вечером 8 сентября: «Несмотря на расстройство и стремительность отступления, русские смогли похоронить в течение последующей ночи [после сражения — В.З.] своих раненых, которые умерли по дороге. Эти люди, которых мы называем варварами, весьма заботятся о своих раненых и считают долгом похоронить своих мертвых, в то время как мы, французы, гордые нашей цивилизацией, оставляем людей погибать без помощи и не утруждаемся погребением трупов до тех пор, пока зловоние не будет вызывать неудобство»¹⁶.

Весьма своеобразно воздействовала на «русские» представления французов Москва. Первоначально вид первопрестольной восхитил французов. Несмотря на, как они считали, восточный колорит (к примеру, Д.-Ж. Ларрей, главный хирург Великой армии, сравнивал коло-

кольню Ивана Великого с минаретом, а Г.Брандт, офицер легиона Вислы, позже отметит, что «общий вид города носил восточный характер, великолепием напоминая собою сказку из «Тысячи и одной ночи»», Москва была вполне сопоставима с Парижем. «Я ожидал увидеть дома из бревен, — напишет Проспер, служитель интендантского ведомства, — но был удивлен: дома были в основном из кирпича, всюду элегантная и очень современная архитектура»¹⁷. «Мы теперь в Москве, — напишет дивизионный генерал Л.-Ж.Грандо, — чудесном городе по качеству дворцов, превосходящих отелей»¹⁸. «Город страшно велик, — отметит капитан гвардейской артиллерии Ф.-Ш.Лист, — так что все мои усилия бесполезны, чтобы его описать. Москва в окружности на 3 лье больше, чем Париж, — говорят, она в 10 лье [в окружности]»¹⁹. «Москва — прекрасный город, в 11 лье в окружности. — Описывает свои впечатления Л.-Ф.Котен, суб-лейтенант 12-го линейного полка. — Всюду дворцы, длинные улицы. Москва претендовала на то, что она прекраснее Парижа»²⁰. Маршал Л.-Н.Даву описывал в письме к жене Москву «как один из наиболее прекрасных, необычных и великих городов Европы [выделено мной — В.З.]»²¹.

Но все это было первое впечатление. Тем большим контрастом стал пожар Москвы. «Сразу после вступления в Москву, — пишет некто Кудер, — многие дома были подожжены русскими. Французы пытались тушить, но все помпы для тушения были вывезены. Это было решением русских с целью уничтожения всех французов»²². «Русские варвары сожгли этот величественный и очень большой город», — напишет генерал Ж.-Л.Шарье²³. «Русские, движимые внутренним чувством, — отметит Ж.Фишнер, музыкант 35-го линейного, — сами подожгли свою столицу»²⁴. Особое впечатление на французов произвело то, что русское правительство поджигало Москву, в которой находились тысячи русских раненых! О сожжении нескольких тысяч русских солдат, оставшихся в городе, с ужасом писало несколько известных нам авторов писем из Великой армии²⁵. На улицах города разыгрывались страшные сцены. О них авторы писем предпочитали только глухо упоминать. Известный в будущем известный мемуарист Л.-Н.Плана де ла Файе отметил в письме на родину так: «Ужасные сцены, свидетелем которых я был в эти дни»²⁶.

Та жестокость, которую приобрела благодаря русскому правительству война, не только притупила все представления о «цивилизованной войне», но и дала своего рода карт-бланш самим французам. «Половина этого города сожжена самими русскими, — писал генерал Грандо, — но разграблена нами в очень красивой манере»²⁷. Теперь французы не видели ничего зазорного в том, чтобы, покидая Москву, взорвать то, что от нее еще оставалось: «с варварами — по-варварски». «Москва теперь истинная пустыня, — писал 10 ноября из Смоленска П.-Л.Тевинотт, начальник батальона, адъютант генерала Сансона, упоминая о взрывах в Москве при отступлении маршала Э.Мортье, — и от этого города не существует более ничего, как несколько страниц в истории»²⁸. «Мы сполна отплатили сим варварам», — написал домой командующий артиллерией Великой армией генерал Ж.-А.Б.Ларибуазьер²⁹. Теперь французы становились «азиатами». А с наступлением холодов даже внешне стали

походить на жителей той страны, по которой отступали. Множество раз французы описывали в письмах свои т.н. «татарские костюмы»³⁰. Многие из них вспоминали Египет, не видя между ним и Россией большой разницы: там были мамелюки, здесь — казаки, там — страшная жара, здесь — не менее, а может быть, и более страшный холод. Там — песчаные пустыни, здесь — снежные пустыни³¹. Азия-с. По крайней мере, не Европа. При выступлении из Москвы генерал Ж.-Г.Маршан озадаченно-удивленно написал домой: «...снег уже начался, и я слышал, что он будет в течение 6 или 7 месяцев»³². В десятках писем французы пишут об одном и том же: о снеге, бревенчатых избах, казаках и холоде. В конечном итоге, в Смоленске многие делают вывод: «Испанская кампания — ничто по сравнению с этой»³³.

Каков был конечный результат всех этих воздействий Русской кампании на базовые представления и чувства западноевропейцев? Нам представляется, что это воздействие предопределило две, во многом, противоположные тенденции. Во-первых, как результат столкновения разных цивилизационных общностей, обозначилась явная диффузия в рамках единого общеевропейского организма наполеоновской армии. Экстремальные условия кампании в России и противоречивое воздействие элементов русской цивилизации на армию Европы вызвали распад структур многонационального армейского организма. Русская кампания, по крайней мере, лет на 100–150, усилила тенденцию к развитию национально-государственной идентичности ряда европейских народов (особенно, немцев, поляков, французов, а также, конечно, и русских). Но, вместе с тем, стала работать и вторая тенденция — на формирование единой западноевропейской целостности. Война 1812 года, как некий ориентир из прошлого, стала определять общие пространственные (Европа — Западная Европа — Россия; пространство европейское — пространство русское; и т.д.), природные и ландшафтные (европейская природа — русская природа — русская зима — русский мороз), моральные (жестокость — человечность; цивилизация — варварство, и т.д.) и другие понятия европейцев. Французы, поляки, иногда — немцы и итальянцы, стали апеллировать в разные моменты своей истории к памяти о совместно пролитой крови в борьбе против «русских варваров». Сам способ войны, избранный «русскими дикарями» в 1812 г., стал традиционно противопоставляться явно идеализированному образу «гуманной» войны западноевропейцев. Даже русское пространство и русское время после войны 1812 г. стали восприниматься как европейцам враждебные.

¹ Туган-Барановский Д.М. Наполеон и власть. Балашов, 1993; Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000; Васильев А.А. Комментарии к рапорту о сражении при Можайске // Орел. 1991. С. 15–17; Его же. Французские карабинеры при Бородине // Цейхгауз. № 2. С. 6–10; Попов А.И. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге), Самара, 1995; Его же. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Харьков, 1997; Шиканов В.Н. Под знаменами императора. Малоизвестные страницы наполеоновских войн. М., 1997; Его же. Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. М., 1999; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.

² Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999.

³ См., например: История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 175–180.

- ⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф.30. Оп.1 (далее — РГА-ДА). Д. 268. Л. 274; *Безотосный В.М.* Источники по истории Отечественной войны 1812 года // *История СССР*. 1990. № 3. С. 215.
- ⁵ Наполеон — Барбье, 19 декабря 1811 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. P.*, 1868. Т. 23. Р. 95.
- ⁶ Цит. по: *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P., 1977. Р. 172. Note 10.
- ⁷ *Henckens J.L.* Mémoires. La Haye, 1910. Р. 115.
- ⁸ Э.-В.-Е.-Б.Кастелан, ординарец Главного штаба, только перед Москвой, в с.Вязёмы, в имении кн. Б.В.Голицына, запишет в дневнике: «Единственное настоящее шато после нашего вступления в Россию» (*Castellane E.-V.-E.-B.* Journal. P., 1895. Т. 1. Р. 153.).
- ⁹ [Lesure] Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e s. P., 1812; *Montgaillard.* Second guerre de Pologne. P., 1812.
- ¹⁰ Ж.-Р.-М.Барье — жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M.Goriainow.* P., 1913. Р. 32-33.
- ¹¹ *Chiquet A.* 1812. Notes et documents. P., 1912. Sér. 1. Р. 35-39.
- ¹² Наиболее убедительно вопрос о проблеме отношения Наполеона к отмене крепостного права в России освещен в: *Тартаковский А.Г.* Из истории одной забытой полемики (об антикрепостнических «диверсиях» Наполеона в 1812 г.) // *История СССР*. 1968. № 2; *Попов А.И.* Наполеон и крепостное право в России в 1812 году // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы.* М., 2001. С. 187-203; *Его же.* Великая армия в России...
- ¹³ Ж.Фишнер — Рошу. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* Р. 36-37.
- ¹⁴ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. Р. 143-144.
- ¹⁵ См.: *Земцов В.Н.* Указ. соч. Глава 2.
- ¹⁶ *Fantin des Odoards L.-F.* Journal. P., 1895. Р. 328.
- ¹⁷ Проспер — тестю. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* Р. 147-151.
- ¹⁸ Генерал Л.-Ж.Грандо — полковнику Ж.-Ф.Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 245. Л. 1-2 об.; Д. 268. Л. 71; *Lettres interceptées...* Р. 38-41.
- ¹⁹ Ф.-Ш.Лист — жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 150; *Lettres interceptées...* Р. 26.
- ²⁰ Л.-Ф.Котен — матери. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* Р. 17-19.
- ²¹ Л.-Н.Даву — жене. Москва, 17 сентября 1812 г. // *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville).* Le maréchal Davout, prince D'Eckmühl. P., 1880. Т. 3. Р. 170.
- ²² Кудер — жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* Р. 51-52.
- ²³ Ж.-Л.Шарье — Таше-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* Р. 37-38.
- ²⁴ Ж.Фишнер — Рошу. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Ibid.* Р. 37-38.
- ²⁵ См., например: А.Бонет — Борде. Смоленск, 11 ноября 1812 г. // РГАДА. Д. 266. Л. 22-23 об.; *Lettres interceptées...* Р. 290.
- ²⁶ Л.-Н.Плана де ла Файе — г-же Деллас. 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 96-96 об.
- ²⁷ Генерал Л.-Ж.Грандо — полковнику Ж.-Ф.Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 245. Л. 1-2 об.; Д. 268. Л. 71; *Lettres interceptées...* Р. 38-41.
- ²⁸ П.-Л.Тевинотт — генералу П.-А.Лепину. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées...* Р. 260-263.
- ²⁹ Ж.-А.Б.Ларибуазьер — майору Пуарелю. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Ibid.* Р. 324.
- ³⁰ См., например: дивизионный генерал Ж.-Д.Компан — жене. Смоленск, 14 ноября 1812 г. // *Ternaux-Comrans N.D.* Le général Comrans. P., 1912. Р. 231.
- ³¹ См., например: *Chiquet A.* Lettres de 1812. P., 1911. Sér. 1. Р. 232-233.
- ³² Ж.-Г.Маршан — жене. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 260. Л. 1-2 об.; *Lettres interceptées...* Р. 138-139.
- ³³ См., например: инженер-полковник Ж.Пюне де Монфор — Деко, начальнику инженерного бюро Военного министерства. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // РГАДА. Д. 266. Л. 7-8 об.; Д.-Ж.Ларрей — жене. Смоленск, 7 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées...* Р. 301; *Русская старина*. 1907. № 11. С. 313-314.